

М.П. Мироненко
к.и.н., с.н.с. ИнСлав РАН

**Генеалогия и геральдика в письмах к В.С. Арсеньеву
в послереволюционные годы в ОПИ ГИМ**

В личном архивном фонде Арсеньевых в ОПИ ГИМ (Ф. 43) хранится переписка выдающегося генеалога, историка, в прошлом — псковского вице-губернатора В.С. Арсеньева (1883–1947) с различными корреспондентами, среди которых преобладают близкие ему по роду научной деятельности генеалогии, геральдисты, историки и литературоведы. Среди них — геральдист и генеалог В.К. Лу-

комский; выдающийся генеалог и нумизмат А.А. Сиверс; историк, краевед, палеограф, археограф И.М. Сибирцев; историк, филолог и генеалог С.Н. Плаутин, исследователь генеалогии Древней Руси, эмигрировавший в Париж в 1919 г.; пушкинист М.А. Цявловский; адвокат, библиограф, литературовед, сотрудник Дома-музея в Ясной Поляне И.В. Ильинский; художник и создатель серии экслибрисов, а впоследствии авиаконструктор А.А. Крутлый; пушкинист и историк литературы, архивист Л.Б. Модзалевский; историк книги и библиограф И.Ф. Масанов; выдающийся калужский историк и краевед Д.И. Малинин; библиограф, генеалог, некрополист И.М. Картавцев; археограф, генеалог, библиограф, В.И. Чернопятков; директор и хранитель музея В.Д. Поленова его сын Д.В. Поленов.

Исследователь гербов и создатель Гербового музея В.К. Лукомский рассказывал о создании коллекции гербов: «Я очень настойчиво продолжаю собирать всякие предметы с гербами (у меня более 300 печатей-матриц, среди них — арапа Петра Вел[икого] — Ганнибала, канцлера Бестужева, кн. А.Б. Куракина, атамана Платова, несколько Долгоруких, Голицыных, Трубецкой; 3 дюжины тарелок с разными гербами; десяток чашек (в том числе с гербом гр. Аракчеева), несколько десятков пуговиц...). Все это собрание я надеюсь еще при жизни передать и устроить в Гербовом музее, [...] дав, таким образом, показательную картину геральдики в русском быту прошлого времени». Он отмечал, что Гербовый музей не коллекционирует экслибрисы, так как надеется получить в дар полную коллекцию гербовых книжных знаков от его хранителей. В его письмах содержатся многочисленные описания дворянских гербов, в том числе четыре вида гербов Арсеньевых, приводятся их описания и рисунки. В письме 1928 г. содержится рассказ о проведенной им экспертизе герба с мраморного надгробия в Енисейске, которая позволила ему отнести захоронение к правителю Иркутского наместничества, генерал-поручику М.М. Арсеньеву.

Заведовавший Калужским губ. архивом и возглавлявший объединенный Калужский музей Д.И. Малинин посылал сведения об Арсеньевых и их родственниках по Перемышльскому, Тарусскому и др. уездам, сообщал о малоизвестных калужских изданиях, в которых могли содержаться генеалогические сведения, рекомендовал такой важный для генеалогии источник как ревизские сказки, часто игнорируемый исследователями, и сетовал: «В настоящее время архив Казенной палаты, где они были, находится в состоянии разгрома. Более того, у меня нет уверенности, уцелел ли он от архивного потока и разграбления, т. е. не попали ли они на фабрику». Тема уничтожения старых изданий постоянно возникает в его пись-

мах: «с писаной бумагой в провинции расправляются варварски», «в провинции журналы и вообще старые книги постепенно утекают на фабрику или уничтожаются иным путем».

Очень подробные генеалогические сведения и поправки к трудам присылал С.Н. Плаутин. Он сообщал о подготовке русскими генеалогами в Париже генеалогического сборника на французском языке, и приглашал к сотрудничеству: «Цель наша дополнить существующие родословные книги Долгоруковых, Лобанова-Ростовского и Руммеля новыми поколениями и исправить старые погрешности».

А.А. Сиверс в 1926 г. советовал в поисках материалов об Арсеньевых обратиться к истории Пажеского корпуса, который, как он предполагал, находился в Историческом архиве, доступ в который был сопряжен с большими трудностями. Он беседовал с Б.Л. Модзалевским о предложении передать в Пушкинский Дом масляные портреты Арсеньева и карандашный Н.В. Арсеньевой.

Интересны и подробны письма Д.В. Поленова, которого связывали с В.С. Арсеньевым давние дружеские отношения. Он присылал генеалогические росписи, в его письмах много сведений о Боткиных, потомстве Львовых, родословной Яковлевых (предков Герцена). В 1927 г. он с иронией писал: «Отец получил анкету от Эвгенического общества о размножаемости, как член ЦЕКУБУ. Отец не стал отвечать, а я написал. Там была просьба нарисовать свое родословное древо. Я нарисовал родословную таблицу дворян Поленовых и народного художника РСФСР В.Д. Поленова, у которого среди предков 1 окольников, 8 стольников, 9 стряпчих, 1 степенный ключник, 2 думных дьяка, 2 бригадира, 4 майора, 2 действительных статских советника, 1 генерал-майор. Каково?».

Арсеньев пытался помочь пожилым ученым, оказавшимся в послереволюционные годы в трудном материальном положении. Среди них был И.М. Сибирцев, скромно писавший о себе: «Ученых трудов у меня немного, но много трудов мною было положено на создание и заведывание Ц[ерковно]-археологического музея и Ц[ерковно]-археологического комитета», причем «в настоящее время мои печатные и письменные труды покрываются архивной пылью, а предметы созданного мною древлехранилища “запечатаны”». В.С. Арсеньев, бывший членом правления ЦЕКУБУ и клуба Дома ученых, в 1926 г. присылал ему анкеты для прикрепления к ЦЕКУБУ, что могло бы улучшить его положение, однако и через три года Сибирцев (член-корреспондент Академии наук!) писал о том, что эти хлопоты не увенчались ничем. В.И. Чернопятову, с которым Арсеньев ранее вместе работал над многотомным изданием «Дворянское сословие Тульской губернии», он также посылал

анкеты ЦЕКУБУ, но тоже безуспешно: в 1933 г. тот писал, что его семью выселяют из квартиры, а жена близка к самоубийству.

Хранящаяся в ОПИ ГИМ переписка со знатоками и любителями генеалогии в тяжелые для науки годы показывает не только широту научных связей В.С. Арсеньева, его преданность науке и после нескольких арестов, но и его человеческие качества, стремление прийти на помощь в трудную минуту, наконец, просто участие в нелегкой жизни ученых.